

Кк Ям

Тяка
и другие

Незатейливые сказки

Кк Ям

**Тяка и другие.
Незатейливые сказки**

«Издательские решения»

Ям К.

Тяка и другие. Незатейливые сказки / К. Ям — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832273-0

Мысли вслух и про себя. Немного грустно, немного смешно... Кто-то узнает себя, кто-то других. Не проводите параллели, лучше рисуйте спирали.

ISBN 978-5-44-832273-0

© Ям К.

© Издательские решения

Содержание

Простотаки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Тяка и другие Незатейливые сказки Кк Ям

© Кк Ям, 2016

© Кк Ям, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-2273-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Простотаки

И тогда она решила, что больше никогда...

– Никогда, никогда, – повторяла, рыдая в верную подушку.

– Никогда, никогда, – твердила, выбегая на улицу и подставляя лицо злым мокрым снежинкам.

Они смешивались со слезами и становились на вкус горько-солеными.

– Никогда, никогда, – разбивала каблуками ледяную корочку асфальта.

– Никогда не говори никогда... – донеслось откуда-то сверху...

Вечером раздался звонок. На пороге стоял Он – корона набекрень, шпага волочится по полу, плащ разорван и заляпан грязью. Сзади маячил конь...

– Привет, пры..пры... принцесса, – пробормотал Он и протянул умирающую гвоздичку.

– Явился-таки... опоздал лет на двадцать, – гордо крикнула Она и многолетнеотработанным движением захлопнула дверь.

– Всё как всегда, – вздохнул он, поворачиваясь к коню – сейчас откроет, обольет слезами, кинет тебе клочок сена, а меня потащит в душ, на кухню и в постель... никакого разнообразия...

Дверь резко распахнулась. На пороге стояла Она, в черных кожаных штанах, сапогах до колен, с хлыстом в руках.

– Так, коня в стойло, сам – мыться, жрать и в спальню..

– Опа, что-то новенькое, – заржал конь...

Поздним вечером раздался звонок.

– Ну кого ещё принесло? – досадливо пробормотал Он, отбрасывая недокурную сигарету и рывком открывая дверь.

На пороге стояла Она...

– Пррривет, Принц... этто я, твоя большая любофф, – покачиваясь, пробормотала Она и рухнула на порог.

– Опять..., – поморщился Он, взваливая на плечо бесчувственное тело, – Ну и где эта Фея – советчица? – Он выглянул за дверь. На площадке было пусто, лишь сизый дымок клубился в углу у окошка.

– Сбежала... насоветовала и сбежала... всё как всегда, – Он отнес тело в ванную и бережно опустил в уже набравшуюся теплую воду, – И ведь знают, обе знают, что люблю, а вот подавай им экстрим...

Она из-под прикрытых ресниц незаметно наблюдала за ним, не забывая для убедительности что-то пьяно бормотать и брызгать пеной.

– Интересно, сколько еще он выдержит? Фея говорит, что еще раз пять можно, а потом придется как все – снять корону, надеть фартук – и на кухню, пироги печь... И никакого экстрима...

– Знаешь, – она лениво ковыряла вилкой в банке со шпротами, – я как консервная банка... железная, с красивой этикеткой... все упаковано... а потом приходит кто-то и вскрывает, грубо, ножом... а внутри сердце...

Ну и зачем ты меня приручил? – задумчиво спросила она, – Чтобы пополнить свою коллекцию бабочек, красиво приколотых булавками к стене, и рассказывать восхищенно ахающим друзьям- эту я поймал в Африки, эту в Австралии, а эту и ловить не пришлось... сама прилетела...

– Ах, Вам эротизму захотелось? – спросила она, плотоядно улыбаясь и расстегивая засаленный халат.

Из раскрытого окошка звучал фокстрот.

Он с нарастающей паникой наблюдал за ее руками, медленно высвобождающими тучное тело от классических панталон в цветочек...

– Пятый этаж... не выпрыгнуть...

Она писала плохие стихи и с маниакальным упорством рассылала их по столичным издательствам. Издательства присылали стандартные отписки, которые она складывала в специальную папочку розового цвета и показывала подружкам на еженедельном чаепитии.

– Ах, меня не ценят, – томно закатывала она глаза отработанным жестом прижимая руку ко лбу.

Подружки сочувственно вздыхали, запивая сладким чаем бело-розовый зефир. В воздухе одуряюще пахло жасмином. Жизнь продолжалась...

– Ах, Алекс, ну почему от Вас никогда не дожждаться комплиментов? – она придирчиво разглядывала себя в зеркало, смешно надувая губки, – я уж и так, и так намекаю...

Он самодовольно усмехнулся.

– Зачем Вам мои комплименты? Разве недостаточно комплиментов этой стаи истекающих слюной самцов, только и мечтающих подобраться поближе? Я не ругаю Вас – довольствуйтесь и этим...

– Знаете, Алекс, бывает иногда такое настроение... хочется поплакать, пожалеть себя... залезть на колени к кому-нибудь большому и теплому, укрыться от невзгод под его руками и почувствовать себя маленькой девочкой...

- Знаю, дорогая, знаю... это успешно лечится кружкой глинтвейна и шоколадом.
- Да? А я -то всегда лечила это поцелуями...

Как-то незаметно она вошла в его жизнь и заняла там все свободное место, все потайные уголки, не поглотив его, а лишь дополнив, поделившись своим теплом и запахом, своими настроениями и ощущениями, своим дыханием и блеском глаз, своим звонким смехом и несчастными слезами ...поделившись собой... он пропитался ею, как пропитывается табачным запахом комната заядлого курильщика ...в ее отсутствие он утыкался носом в подушку и ему казалось, что она рядом... ему нравилось находить ее белье среди своих вещей, все эти милые женские мелочи, которые так раздражают у ставших посторонним и чужими, ему нравились смешные записочки на кастрюльках в холодильнике... да, да, теперь у него появились кастрюльки... и забавные рожицы на запотевшем зеркале в ванной ...и голос из трубки, спрашивающий, надел ли он шарф... короче, он был влюблен...

– Дорогой, посмотри какая милая штучка! Как думаешь, мне пойдет? Куда ты все время смотришь?

Показалось..?. Он не отрываясь смотрел на мелькнувший в толпе силуэт... такой до боли знакомый ...тот, что безуспешно пытался забыть, тот, что заглушал в себе чересчур громкой музыкой, тот, что заливал дорогим виски, тот, что безуспешно закуривал несчетными пачками сигарет... и вся эта череда болтающих и смеющихся – тоже, чтобы забыть... Рвануть бы сейчас сквозь толпу, догнать, обнять, посмотреть в родные глаза... но нет, цепкие пальчики настойчиво теребят за рукав...

– Ну посмотри... ну давай купим...

Он моргнул, видение исчезло...

– Да, дорогая, да...

Это будет легко... Представь, что я уехал в командировку... на год, на два ...надолго... в Африку или Антарктиду... Сначала ты будешь плакать, привычно протягивая ночью руку и натываясь на пустую подушку. Потом привыкнешь... начнешь забывать... забывать мой голос, мои глаза, мой запах и смех, забывать мои руки и губы... а потом появится тот, кто поможет забыть всё... а я буду смотреть сверху и радоваться за тебя... потому что люблю...

– И запомни, Джи, ты играешь по правилам своего круга. Когда ты попадаешь в другой круг, у тебя два выхода. Один, простой- выучить и играть по чужими правилам.

– А второй, Учитель?

– Заставить их играть по своим...

– Знаешь, – она задумчиво вычерчивала на его груди непонятные фигуры, – иногда мне хочется построить вокруг тебя забор и поставить автоматчиков... жадная я...

Её палец приятно охлаждал разгоряченную кожу, сигаретный дым, пропитанный запахом желаний, тонкой струйкой утекал в открытое окно, гомон птиц и детей мешал сосредоточиться... он чувствовал, что надо что-то ответить, но мог только молча глупо улыбаться...

– Ждать ... – она задумчиво помешивала ложечкой остывающий чай, – мужчинам незнакомо это особое женское состояние. Нервно и неприкаянно метаться, не находя себе места... смотреть в окно, до боли в глазах вглядываясь в смутные силуэты, радостно воскресая и снова погружаясь в ожидание... взглядом индийского факира заклинать предательски молчащий телефон... выскакивать на лестницу, чтобы проверить, работает ли звонок входной двери ... вновь и вновь прокручивать в голове последний разговор, безжалостно препарировать сказанное и пытаться найти ускользающую отгадку... представлять себе все возможные ужасы и несчастные случаи, гоня от себя пугающие мысли о мнимых соперницах... вконец обессилив от накручиваний, сесть на пол в дальний угол самой темной комнаты и уткнуться носом в колени, потому что так почему -то легче... а когда наконец раздастся долгожданный звонок, испытать такой подъем и такое головокружение... а если так и не раздастся, попытаться уснуть, проворочаться всю ночь, испытывая самую настоящую физическую боль, забыться на пару часов и очнуться под утро, недоумевая о причинах вчерашней тоски и тревоги. По утрам все кажется гораздо более обнадеживающим...

Он сел у ее ног и уткнулся в теплые колени.

– Обещаю... обещаю тебе – тебе никогда не придется меня ждать!

Она грустно усмехнулась, ласково погладив его по голове.

А за окном медленно падал снег, навсегда засыпая написанное им «люблю»...

Больше всего она любила сидеть у него в ногах на маленькой деревянной скамеечке, положив голову на его колени, и слушать.. За окном лютовал ветер и мороз рисовал на окне причудливые узоры, а в комнате было тепло и спокойно. Тихо потрескивали дрова в камне, лениво изгибались языки пламени, оставляя на стенах загадочные тени. И неважно, о чем он говорил -о политике, о биржевых курсах или очередных мировых заговорах, ей достаточно было слышать его голос и ощущать тяжесть руки глядящей её волосы и ласкающей завитки на шее.

– Ты прекрасная слушательница, – говорил он каждый раз, целуя ее на прощание. Губы его были мягкие, с привкусом табака и мандаринов и она так хотела сохранить этот вкус как можно дольше, но ветер безжалостно сдувал все запахи, пока она, кутаясь в старенькую шаль, бежала к дому.

– Ты опять просидела весь вечер у профессора, – ворчала старая нянька, открывая ей дверь и стряхивая снег с её рыжих кудрей.

– Я люблю его, – счастливо улыбалась она, избегая по скрипучей лесенке в свою комнату под самой крышей. Оттуда, из чердачного окошка, она могла видеть его дом и неясную тень за неплотно задернутыми шторами.

Он долго стоял у окна, наблюдая как снег заносит тоненькую цепочку следов.
– Почему она никогда не останется...?

– Почему он никогда не попросит меня остаться...

– Нельзя так быстро привязываться к людям, ты же не кошка, – он раздраженно мерил шагами комнату, стараясь не смотреть в угол, откуда доносилось всхлипывание. Маленькая фигурка скорчилась в громадном кресле и в полумраке виднелось лишь слабое свечение, почти не видимое из-за сияющей в небе луны.

– Не реви, сейчас принесу чай.

Он сходил на кухню и вернулся с дымящейся чашкой.

– Пей, а я поиграю.

Он открыл крышку рояля, привычно погладив клавиши, вздохнул, настраиваясь и заиграл...

Она маленькими глоточками пила ароматный напиток, из-под полуприкрытых глаз наблюдая, как ласково его пальцы пробегают по клавишам, то ударяя, то чуть касаясь. Волшебные звуки наполняли все ее существо, печаль уходила и слезы высыхали. Он оглянулся. Она выпрямилась в кресле, в глаза вернулся привычный блеск, крылья расправились и улыбка заиграла на губах.

– Ну вот и хорошо, ты готова! Лети обратно, душа моя, лети и помни – не привязывайся!

Дождливыми осенними вечерами Маша и бабушка предавались воспоминаниям. Вернее, предавалась одна бабушка. Она удобно устраивалась в старом кресле, вооружалась спицами и клубком шерсти, усаживала Машу рядом и начинала предаваться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.